

1.2.3. Освоение целинных земель и внедрение кукурузы

Судебный процесс над Берией в декабре 1953 г. и начавшийся пересмотр «ленинградского дела» значительно подорвали позиции Маленкова. Это позволило Хрущеву уже без оглядки на него выступить с собственной инициативой и поставить вопрос об освоении 13 миллионов гектаров целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане для того, чтобы обеспечить страну продовольственным зерном в короткие сроки и довольно дешево. Почти все члены Президиума активно поддержали его. Сомнения, а потом и возражения стал выдвигать Молотов.

– Целинные земли малоэффективны, это сомнительное дело, – говорил он {256}.

Он полагал, что было бы лучше необходимые для этого средства использовать для подъема земледелия в Европейской части СССР.

Хрущев ставил этот вопрос как вопрос резервов. Освоение целинных и залежных земель рассматривалось им как мобилизация резервов. Молотов же возражал не против намечавшейся кампании, как таковой. Он постоянно потом говорил, что это неправда, будто он выступал против освоения целины {257}. «На меня тов. Хрущев наговорил столько неправильных вещей» {258}. Его смущали лишь размеры. Вот против них-то он и выступал, но в обостренной форме. Полтора года спустя, отвечая на обвинения в том, что у него были разногласия с Президиумом ЦК по поводу целинных земель, он утверждал, что никогда не был против их освоения, всегда считал это «очень правильным и важным мероприятием» {259}. Но признавал, что было время, когда, получив соответствующие сведения из тех материалов, которые все члены Президиума получали от отделов ЦК, указывал, что в число целинных земель, идущих под разработку, включают и такие земли, средняя урожайность которых едва достигает 2,5-3 центнеров с гектара. И тогда ставил вопрос:

– Правильно ли такие земли включаем в целинные земли? {260}

Но даже если дело обстояло именно так и разногласия Молотова с Хрущевым возникали не из-за того, поднимать целину или нет, а из-за масштабов этой кампании, спорили они довольно резко. Как полтора года рассказывал Каганович, можно было бы обсуждать предложение Молотова начать не с 20, а с 10 миллионов гектаров. «Такое заявление можно и должно обсуждать. Мы обсуждаем все эти вопросы. Каждый член Президиума, который что-либо заметит, делает замечание. И Президиум поручает проработать еще [раз] вопрос и учесть во всем объеме обмен мнениями. Но весь вопрос в том, какой присвист придают тому или иному вопросу» {261}. Вот этот-то «присвист» и приводил порой к тому, что споры на заседаниях Президиума ЦК перерастали порой в ругань {262}. И позже Хрущев частенько вспоминал, как ему возражал Молотов: «Нужно было вести длинные и трудные споры, а спорить с ним невозможно» {263}.

Другие очевидцы вторили ему. Так В. В. Мацкевич, бывший тогда первым заместителем министра сельского хозяйства и по долгу службы принимавший участие в технической подготовке материалов и расчетов, а вследствие этого и присутствовавший на всех заседаниях Президиума ЦК при обсуждении вопроса об освоении целинных земель, вспоминал:

«Товарищи Микоян, Булганин, Маленков были за проведение этой работы. Товарищ Молотов был категорически против... Он возражал принципиально и, как талмуд, твердил, что наша главная задача – повышение урожайности. Товарищ Хрущев, полемизируя с Молотовым, обратился к нам, сельскохозяйственникам, и к товарищу Сабурову (председателю Госплана) с вопросом:

– На сколько мы за 38 лет увеличили урожайность?

Мы вынуждены были признать, что находимся примерно на уровне 1913 г. Однако тов. Молотова это не убедило... Вы, тов. Молотов, просто не знали экономики страны, не понимали, что развитие машиностроения позволяет нам на данной стадии решать задачу подъема целины без ущерба для работы МТС и совхозов других областей. Уровень же развития химической промышленности на данной стадии нам позволяет только-только обеспечить потребности в химудобрениях быстро развивающееся производство технических культур» {264}.

Такое же впечатление сложилось и у маршала Жукова: «Я присутствовал на этом

заседании. Вы были против и ругались с Хрущевым». Об этом же говорил и министр сельского хозяйства И.А. Бенедиктов: «Я на этом заседании был. Вы выступали и говорили, что это мероприятие очень дорогое, денег не хватит, вкладывать в это дело неразумно, нецелесообразно и что это мероприятие сомнительное. А тогда речь шла только о 13 млн. гектаров. Одним словом, вы выступали против освоения целины. Но большинство членов Президиума одобрило предложение, и оно было принято». Подтверждал это и министр заготовок Л.Р. Корниец: «Вы были против подъема целины. Вы говорили, стоит ли рисковать, оттягивать средства с районов, где уже получаем хлеб, а в новых районах – там никогда не было хлеба и будет ли он. Надо поднимать производство зерна в старых районах». С ними соглашался тогда и Маленков: «Тов. Молотов был против целины». Сам же он, Маленков, по свидетельству заведующего сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС В.П. Мыларщикова, больше увещевал Молотова, уговаривая его не возражать {265}.

Правда, еще через какое-то время, подружившись с Молотовым, он уточнял, что тот возражал не против самого освоения целины, а против предлагавшихся Хрущевым темпов. «Что значит возражать против темпов? – не соглашался с ним Хрущев. – Значит возражать и по существу». И добавлял, что в этом деле «черт попутал» и Ворошилова: «Он ведь тоже возражал». «Слегка», – добавил кто-то из зала {266}.

Победило мнение, что подъем целины позволит решить вопрос об обеспечении страны хлебом. Соответствующие решения февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК, а в еще большей степени транслировавшееся 22 февраля по телевидению выступление Хрущева перед молодежью, отправляющейся на освоение новых земель, когда он неожиданно предстал перед страной как человек, умеющий без бумажки, просто и доходчиво говорить, улыбаться и шутить, значительно способствовали росту его популярности.

Вопрос, поедет ли молодежь на целину, поверит ли новому руководству, был решающим для успеха начинавшейся грандиозной кампании. И рискованным. Для страховки привлекли воинские части и развернули несколько исправительно-трудовых лагерей. Опасения не оправдались. Уже к концу года в новых районах трудилось 150 000 квалифицированных рабочих, а также агрономов, зоотехников, инженеров. Всего же по комсомольским путевкам туда прибыло более полумиллиона человек. Среди мотивов массового исхода юношей и девушек из мест постоянного обитания было не только положительное восприятие официальной пропаганды, на все лады их к тому побуждавшей. Преобладающее значение, судя по всему, имели сугубо материальные интересы, стремление изменить жизненную ситуацию: расстаться с опостылевшей работой, где не было никакой надежды получить жилье, не возвращаться после армии в нищий колхоз и т. п. Пока ситуация в промышленности и в колхозной деревне не менялась, можно было не беспокоиться о притоке добровольцев в районы нового освоения.

Приветствовали, одобряли, поддерживали, испытывали энтузиазм или разделяли его 43% опрошенных в 1998 г. и 40% опрошенных в 1999 г. «Был общий большой подъем, – вспоминает Н.А. Торгашева из Рузаевки в Мордовии. – Некоторые наши знакомые поехали, даже поселок был освоен по имени нашего города». Слово «подъем» употребляют еще 15 респондентов, слово «энтузиазм» – 36, слово «воодушевление» – 6. «Небывалая активность молодежи» запомнилась Г.Д. Вороновой, паспортистке Серпуховского районного ЖКО. «Все были воодушевлены», – свидетельствует А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики, сама ездившая в степи Казахстана.

«Народ полностью поддержал это решение», – утверждал слесарь Ю.Ф. Морозов из Болоцкой МТС во Владимирской области. С большим желанием ехали на целину сверстники 16-летней московской школьницы Е.В. Федулаевой: «Оставляли квартиры и уезжали.

Уезжали на летний период и некоторые старшеклассники. Жили в палатках, без всяких удобств. Но работали с энтузиазмом». Еще один школьник, В.Р. Червяченко из Курской области, свидетельствует, что на целину стремились многие: это «воспринималось как почетная задача», но «не так просто было туда попасть», ибо «отправляли лучших трактористов». С восторгом встретила призыв комсомола преподавательница ПТУ при швейной фабрике № 5 в Москве Н.П. Назарова: «Сама рвалась на целину, но ничего не вышло, было отказано по состоянию здоровья моего и моей мамы». Уехали на целину некоторые рабочие 22-й дистанции

пути (станция Чаплыгин Липецкой области), и «все считали это геройским поступком», – свидетельствовала нормировщица А.А. Орлова. Завидовали уехавшим новосибирский строитель А.А. Чуркин и 9-классница из Кропоткина Г.В. Свердлова. 39-летний подсобный рабочий Кузнецкого металлургического комбината С.Ф. Пономарев стал трактористом Чебульской МТС, а его жена – помощником{267}.

Как «возможность заработка» расценивал стремление молодежи откликнуться на призыв отправиться на освоение целинных земель О.Г. Филин из колхоза «Красное знамя» в Подмоскowie. Если бы ее послали, признавалась 35-летняя А.И. Аксенова, работавшая на заводе «Вторчермет» в Москве, а жившая в Люберцах, то она поехала бы: «Там хорошо платили, были очень хорошие заработки. Многие из моих знакомых возвращались оттуда, заработав много денег». «Не ради высоких идей» ехали на целину по комсомольским путевкам многие знакомые школьницы Н. Красановой из Прокуроровки в Иртышском районе Воронежской области: «В колхозе не выдавали паспортов, и получить их после окончания школы можно было только имея на руках комсомольскую путевку. А с паспортом с целины и в город можно было податься».

Соглашались, что так нужно, что это хороший шанс получить дополнительное зерно, надеялись, что поможет решить продовольственную проблему еще соответственно 19 и 16% опрошенных. «Было обещано, что будет больше хлеба, а значит лучше будем жить», – говорила выпускница средней школы в Базарном Карабулаке (Саратовская область) Т.С. Быкова. Инженер Лыткаринского завода Л.И. Олейник видела положительный смысл этой кампании и в том, что она занимала молодежь полезным делом{268}.

Относились к освоению целины двояко, неоднозначно, испытывали сомнение, не испытывали энтузиазма, не было уверенности в необходимости у 2-7% опрошенных. Не очень подходящими для выращивания зерна считала вновь осваиваемые земли учительница Воздвиженской школы Загорского района А.П. Запрудникова.

«Нужны огромные вложения, оправдаются ли?» – не знал инженер из Ромн Л.Ю. Бронштейн. «Может быть, лучше было бы взяться за восстановление старых деревень и колхозов?» – сомневалась техник с завода № 500 в Тушино М.С. Севастьянова. «Лучше бы сделали добротными колхозы здесь», – думает теперь В.В. Ратникова, учительница Моносеинской школы в Лотошинском районе, оговариваясь, что тогда отрицательно к освоению целины не относилась. Против гигантских масштабов, которые приняла целинная эпопея, был председатель одного из подмосковных колхозов В.Я. Пономарев. Видели не только плюсы, но и опасались минусов выпускница Черновской средней школы в Куйбышевской области Е.П. Макарова и студент МГУ В.М. Мухин, сам бывший на целине. Помимо комсомольцев и «нормальной молодежи» видел там «и очень много всякого сброда (судимых, например)» солдат Н.Д. Михальчев, частенько становившийся очевидцем хулиганских проявлений, краж и других преступлений.

Отнеслись негативно, не верили в это дело 7,5-9% опрошенных. {269} Не разделял мнение о необходимости освоения целинных земель на востоке страны военнослужащий из Ногинска Е.М. Дубовицкий: «В нашей стране уже достаточно вспаханных полей, их надо только правильно засеять и убрать без потерь весь урожай, чтобы хватило для всего Союза». Так же считал тракторист Р.В. Ванягин из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе: «Ерунда это все, своей земли хватает». «Нужно поднимать колхозы здесь», – полагал и колхозник В.Д. Жаров из деревни Марково в Лотошинском районе. По словам учительницы Н.С. Мартыновой из подмосковного поселка Держинский, «все говорили, что надо не поднимать целину, а осваивать свои земли, свою деревню». Считала нецелесообразным и очень дорогостоящим это мероприятие директор Октябрьской МТС в Крыму П.И. Ковардак: «Нужно повышать урожайность на Кубани, на Украине». «Надо вместо целины больше уделять внимания областям Черноземного Центра», – считал московский строитель М.М. Гурешов. «Надо лучше восстанавливать старые колхозы и деревни», – равным образом рассуждали техник Красногорского оптико-механического завода Р.И. Бакина и техник Шувойской ткацкой фабрики в Егорьевском районе Г.И. Капустин{270}. Начальник поезда, доставившего добровольцев из Николаева на целину, В.А. Попов свой скепсис обосновывал тем, что «в основном это были уголовные элементы с комсомольскими путевками».

Интересны также прямые, а чаще опосредованные сведения о том, что делалось в районах освоения новых земель.

Медаль «За освоение целинных земель» получила учительница из Тюменской области В.П. Торопова, ездившая в Мурашинскую степь, где «был очень большой урожай, прямо море пшеницы». «Размах был потрясающий, – рассказывает М.И. Тухтин из Тульской области, принимавший участие в освоении целины в 1954-1955 гг., – большой парк тракторов. Жили в палатках. Там, где я работал, был т.н. «сухой закон», спиртного не было. Урожай по первому году был очень большой, но не было подготовлено, куда его отвозить, не было элеваторов. Хлеб горел в буртах, мы его перелопачивали с места на место». По сведениям, которыми располагал шофер Ю.И. Чумаров из деревни Аксеново Раменского района, люди там жили в палатках и в первые годы урожай не сняли. Ездил на целину муж учительницы из подмосковного поселка им. Володарского В.Н. Вавилиной: «Ему понравилось, пробыл там год, но когда предложили остаться насовсем, отказался». «У меня погиб брат на целине, замерз», – сообщает А.В. Куклева из поселка Борисоглебский Ярославской области. Убегали из Казахстана люди, отправленные туда с Московского нефтеперерабатывающего завода в Капотне, свидетельствовала инженер этого завода А.С. Шурова: «Там творились беспорядки. Это понятно, ибо казахам целина не была нужна., загубили их овцеводство»{271}.

Если положительные ответы, как правило, отражают мнение, которого респонденты придерживались в то время («Мы тогда это приветствовали», – говорит П.А. Барабошина, учившаяся в Тимирязевской сельхозакадемии){272}, то мотивы тех, кто высказал негативное отношение к освоению целинных земель, в значительной степени отражают ту полемику, что ведется последние полтора десятилетия в средствах массовой информации.

Вслед за людьми на целину сплошным потоком шла новая техника. Только совхозы и МТС Казахстана получили в 1954 г. около 19000 тракторов и 12000 уборочных комбайнов{273}. В том году было вспахано и засеяно почти 19 млн. гектаров, в том числе 10 млн. в РСФСР и 8 млн. в Казахстане. Всего в пашенный оборот в 50-е годы было введено свыше 40 млн. гектаров целинных и залежных земель{274}. Собираемый с них урожай позволил значительно ослабить остроту продовольственной проблемы. Но он никогда не был высоким и не отличался устойчивостью. Суховеи и пыльные бури, недостаток воды делали жизнь новоселов не очень-то приятной, и приживались они там с большим трудом.

И до сих пор специалисты сельского хозяйства и историки по-разному оценивают необходимость и целесообразность столь грандиозной кампании. Некоторые из них полагают, что, не прислушавшись к опасениям Молотова, Хрущев лишил старые земледельческие районы возможности массированного применения новой техники вместе с современными технологиями, коренного изменения инфраструктуры села{275}. С их точки зрения, освоение целины можно оценивать и как бегство от реформ, как попытку за счет внешней экономической колонизации оставить в неприкосновенности существующие аграрные отношения{276}.

Своего рода паллиативом назревшего кардинального реформирования этих отношений стало и массовое внедрение новой земледельческой культуры – кукурузы. Хрущев видел в ней некое волшебное средство, способное решить чуть ли не все проблемы сельского хозяйства. Ее внедряли с помощью откровенного административного нажима, преодолевая сопротивление руководителей хозяйств, не видевших в ней никаких для себя резонансов. В результате отведенные под кукурузу посевные площади за два года увеличились едва ли не втрое: с 3,5 млн. га в 1953 г. до 9,1 млн. га в 1955 г. Расширение ее посевов продолжалось и дальше, как и продолжалось сопротивление этому. Иной раз протест принимал открытые формы. На собрании партийного актива в Карагайском районе Молотовской области 3 августа

1956 г. председатель колхоза «Большевик» В.Г. Тимофеев, например, заявлял, что «посевы кукурузы являются лишь политическим лозунгом, а в экономике колхозов лишь пустым местом», и делал вывод, что «Хрущев с кукурузой провалился»{277}. Массовый характер приобретал и саботаж. В той же Молотовской области посевы кукурузы в 1957 г. сократились с 71,2 тыс. га до 31,0 тыс. га, то есть более чем в два раза{278}.

В марте 1955 г., то есть уже после отставки Маленкова, была официально осуждена практика чрезмерной централизации принятия планов и управленческих решений в сельском хозяйстве. «Для того, чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной

продукции, – говорилось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров, – совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посева по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не представляя возможности колхозам и совхозам проявлять инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства»{279}. Провозглашался новый принцип планирования колхозного производства по конечным результатам, в котором отправным началом должен быть объем товарной продукции. «Планирование сельскохозяйственной продукции должно начинаться непосредственно в колхозах»{280}.

Таким образом высшими инстанциями советской системы было принято решение – не вмешиваться в производственную деятельность колхозов и совхозов. Однако на практике оно так и не было осуществлено, ибо просто не вписывалось в неизменную практику вмешательства в дела колхозов районного начальства, которое, в свою очередь, поощрялось, подталкивалось к этому начальством вышестоящим. Например, Молотовский обком КПСС в 1956 году констатировал, что районные руководители «совершенно игнорировали порядок составления планов, рекомендованный ЦК КПСС и Советом Министров СССР, и колхозники от этого важнейшего дела по существу устранены»{281}. А в январе 1958 года первый секретарь обкома А.И. Струев критиковал своих подчиненных уже за то, что они явно игнорируют кукурузу{282}.